

Научная статья

УДК 930:001.92 + 930.1 + 101.3 + 94:159.153 + 316.346.36:150.953

doi 10.15826/tetm.2022.3.032

Исторический факт как место памяти: П. Нора и исследования локального прошлого

Оксана Владимировна Головашина

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

ovgolovashina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9911-175X>

Аннотация. Отмечая трудности с дефиницией понятия исторического факта и проблемы, связанные с историческим фактом в региональной истории, автор предлагает обратиться к дискурсивному аппарату П. Нора, исходя из того, что места памяти, о которых писал французский историк, можно рассматривать как теоретическую оптику, использование которой позволит противопоставить операционному отношению к истории осмысление и схватывание прошлого. В статье были отмечены сложности с переводом понятия «места памяти», влияние предшественников (Э. Лависса, Ф. Броделя, М. Фуко, В. Бенямина, а также М. Хальбвакса и Ф. Йейтс) и обосновано, что проект мест памяти был направлен на пересмотр сложившейся прежде концепции нации. Опираясь в основном на тексты П. Нора, автор приходит к следующим выводам: 1. Дискуссионность мест памяти позволяет противопоставить их условному государственному историческому нарративу и традициям историописания. Исторический факт в такой трактовке ускользает от однозначных интерпретаций, оказываясь не частью механизма сконструированной государственной истории, а выступает в качестве актора локальной истории, истории групп, сообществ. 2. Исторические факты, как места памяти, могут мыслиться как определенного рода «останки» прошлого, которые, несмотря на множественность интерпретаций, сохраняют свое значение. Это позволяет избежать крайне конструктивистской трактовки исторического факта. 3. Изменения, характерные для мест памяти, позволяют рассматривать исторический факт в динамике.

Ключевые слова: места памяти, исторический факт, локальная история, исторический нарратив, Нора, философия истории, историческая память

Для цитирования: Головашина О. В. Исторический факт как место памяти: П. Нора и исследования локального прошлого // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 6–12. doi 10.15826/tetm.2022.3.032

Original article

Historical Fact as a Place of Memory: P. Nora and Research into the Local Past

Oksana V. Golovashina

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

ovgolovashina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9911-175X>

Abstract. Noting the difficulties in the definition of the concept of historical fact and the problems associated with the historical fact in regional history, the author proposes to refer to the discursive apparatus of P. Nora. The author proceeds from the fact that the places of memory, about which the French historian wrote, can be seen as a theoretical lens, the use of which will allow to contrast the operational attitude to history comprehension and grasping of the past. The article noted the difficulties in translating the concept of ‘places of memory’, the influence of predecessors (E. Lavissee, F. Braudel, M. Foucault, W. Benjamin as well as M. Halbwachs and F. Yates) and justified that the project of places of memory was aimed at revising the previously established concept of the nation. Relying mainly on the texts of P. Nora, the author reaches the following conclusions. 1. The discursiveness of memory sites allows to contrast them with the conventional state historical narrative and traditions of historiography. The historical fact in this interpretation escapes unambiguous interpretations, being not part of the mechanism of constructed state history, but acts as an actor of local history, the history of groups, communities. 2. Historical facts as places of memory can be thought of as a kind of “remains” of the past which, despite the plurality of interpretations, retain their significance. This avoids a highly constructivist interpretation of historical fact. 3. The changes characteristic of places of memory allow us to consider the historical fact in a dynamic way.

Keywords: places of memory, historical fact, local history, historical narrative, Nora, philosophy of history, historical memory

For citation: Golovashina, O. V. (2022). Istoricheskij fakt kak mesto pamjati: P. Nora i issledovanija lokal'nogo proshlogo [Historical Fact as a Place of Memory: P. Nora and Research into the Local Pasty]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 6–12. doi 10.15826/tetm.2022.3.032

Л. Ранке отметил, что задача историка состоит в том, чтобы показать, как все было на самом деле [Иванов, Коршунов, Петров, 159]. Этот тезис вряд ли может выступить в качестве основы исторической эпистемологии, так как у исследователя прошлого нет прямого доступа к объекту его изучения, а онтологический статус «того, что было», тем более «на самом деле», вызывает больше вопросов, чем предлагает какие-либо ответы. Современная трактовка исторического факта, как прежде всего гносеологической категории, позволяет интерпретировать его как знание о прошлом, а не реально случившееся событие. Вместо принятой позитивистами трактовки исторического факта как сообщения источника, соответствующего действительно произошедшему, речь идет о нем как о фрагменте прошлого, недоступного нам самого по себе, но сконструированного историками. Следствием этой трактовки является повышение

значимости вопросов исторического познания, соотношения реальности и ее реконструкции. Если история понимается не как исследование «того, что было», а в качестве определенной интерпретации какой-либо информации, часть из которой также представляет собой конструкт, то на уровне осмысления отдельных категорий, в том числе понятия исторического факта, дискуссии переходят в модус исследования реальности. Однако констатация исторического факта вместо принятой в позитивизме его онтологической интерпретации как конструкта, создаваемого учеными, ставит под вопрос возможность объективного познания прошлого. Если исторические факты являются продуктом деятельности историка, то чем его работа отличается от ремесла писателя? Как можно доверять знанию, построенному на конструктах, созданных конкретными людьми?

Применительно к региональной истории проблема исторического факта, если

продолжать оценивать его как гносеологическую категорию, усложняется наличием федерального исторического нарратива, рамка которого влияет на конструирование регионального исторического факта, выступая в качестве своеобразной метапозиции. Факты региональной истории зачастую оказываются иллюстрациями каких-либо федеральных процессов и закономерностей или частью исторического факта, имеющего значение для всего государства, теряя таким образом свое индивидуальное значение. Историк, как представитель определенного сообщества, транслирует дискурсивные практики и язык описания, характерные для этого сообщества, но обращение к локальной истории диктует необходимость выработки новых языков описания.

В данной статье мы предлагаем, сохраняя гносеологическую интенцию исторического факта, тем не менее отойти от крайней конструктивистской его интерпретации. На наш взгляд, подходящей оптикой для решения таких задач может быть предлагаемая П. Нора концепция мест памяти. Поводом для обращения к этой теме стала замеченная среди современных исследователей тенденция отождествления мест памяти с какими-либо памятниками. Подобная трактовка, на наш взгляд, повышает метафоричность текстов представителей *memory studies* и делает невозможными концептуальные выводы. Мы считаем, что места памяти — это не только своеобразный взгляд на историю Французской Республики, но и теоретическая оптика, использование которой позволит противопоставить операционному отношению к истории осмысление и схватывание прошлого. Распространение понятия и отсутствие его четкого определения привели к тому, что среди ученых места памяти чаще используются как метафора, а не как исследовательская оптика, однако, на наш взгляд, эвристический потенциал предлагаемого Нора инструмента может быть полезен исследователям локальной истории. Соглашаясь с гносеологической интерпретацией исторического факта, Нора настаивает на том, что место памяти тем не менее связано с реальностью прошлого. Представив краткую характеристику проекта французского историка, мы покажем эвристический потенциал предлагаемой Нора оптики и ее возможное

использование в исторической эпистемологии.

«Места памяти» — это грандиозный проект, участие в котором принимали 125 человек, результатом их работы стал труд объемом почти в 5 тыс. страниц. Идея мест памяти была развита исследователями других стран на соответствующем материале [Isnenghi; *Lieux de memoire et identites nationales*; *Waar de Blanke Top der Duinen*; *Erinnerungsorte der DDR*], некоторые авторские коллективы выходили за пределы национальной истории [*Transnationale Gedachtnisorte in Zentraleuropa*; *Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa*; *Europaische Erinnerungsorte*] и переносили оптику Нора на другие исторические периоды [Rose; Tamás].

Перевод «*lieu de mémoire*» на русский язык как «место памяти» стоит признать не слишком удачным (ср. с англ. *realms* или испанским *entorno* (установка), *contexto* (контекст)), так как акцент прежде всего на пространственном аспекте приводит к тому, что места памяти практически отождествляются с памятниками и монументами. Подобная трактовка не соответствовала первоначальному замыслу Нора, который вместо линейности прежней историографической традиции предложил мозаичность отдельных взглядов, историю символического типа [Nora, 12]. Определяя это понятие, он говорит о материальности, функциональности и символичности мест памяти [Ibid., 40], в дальнейшем акцентируя последнюю характеристику, называя места памяти символическим инструментом [Ibid., 138]. Опираясь на представления М. Хальбвакса о детерминации образов прошлого социальными рамками и их пространственной обусловленности [Хальбвакс], Нора использует исследования Ф. Йетс, рассматривающей средневековые мнемотехники как концептуальную схему [Йейтс].

При разработке своего проекта Нора также обращался к примеру французского историка Эрнеста Лависса (1842–1822) [Nora], который в своей многотомной работе создал позитивистский канон видения французской истории, однако, подражая Лависсу в его амбициях, Нора стремился «разрушить этот раздражающий жанр “Истории Франции”, разъяв единый и непрерывный рассказ» [Nora, 12], и представить места памяти как адекватное настоящему прочтение прошлого, то есть

репрезентацию прошлого Франции, но через образы (*lieu de mémoire*), а не через историографию. Свою критику предшествующей историографии сам Нора связывает с влиянием школы Анналов, пересмотревших традиции исторического описания, в частности Ф. Бродемом, который одним из первых предложил новую модель времени в истории. Вдохновляясь работами М. Фуко и В. Беньямина, Нора противопоставляет линейному времени разрывы и системы практик, историзму — романтизированный опыт и воспоминания, акцентируя внимание на имманентной оппозиционности памяти, однако, в отличие от своих предшественников, настаивающих на конфликтности исторического, он позиционирует места памяти как консенсус, а не видение победителей.

Отметим также, что проект Нора получил распространение в период «недоверия к метанарративам» (Ж.-Ф. Лиотар), повлиявшим на представления о прошлом и способы его исследования. «Подлинное» знание, о котором говорил позитивизм, было переосмыслено как социальный конструкт или языковая практика, а расшифровка риторических образов стала главной целью исторических исследований. Прошлое больше не является гарантией будущего, в этих условиях память кажется обещанием непрерывности; вместо линейности времени мы можем говорить о памяти как о посреднике в ситуации инверсии времени. Для Нора память, как и история, это способ, при помощи которого люди обращаются к своему прошлому, однако история более сконструирована, так как связана с удовлетворением необходимости в построении национальной идентичности, а не потребностями отдельных групп. Память в трактовке Нора, как заметил его соавтор Ф. Артог, представляет собой историю второй степени; то есть, показав кризис исторической эпистемологии и невозможность осмысления прошлого прежними методами, Нора представил пример того, как историк может найти путь «между слепым вопросом и просвещенным ответом, между общественным давлением и уединенным терпением лаборатории, между теми, кто чувствует, и теми, кто знает» [Hartog, 18]. Предлагаемая Артогом концепция «режимов историчности» [Артог] как определенная объяснительная модель, проясняющая

переживание времени в различные периоды, развивает высказанные Нора идеи.

С точки зрения С. Кляйна, Нора романтизировал и деполитизировал память, показав ее в качестве «естественной формы дискурса для людей без истории» [Klein, 138]. Проект Нора был направлен на «отрицающую националистическую версию галоцентристской, имперской и универсалистской нации» [Nora, 64]; по его мнению, лучшее, что может сделать для своей страны историк, это способствовать тому, чтобы мысль о нации не являлась монополией националистов [Finkielkraut, 259]. Новый взгляд на прошлое, который пропагандирует Нора в своем проекте, приводит к необходимости пересмотра сложившейся в XIX в. концепции нации. В заключительной к проекту статье Нора отрицает идеи Э. Ренана и пишет о нации как об общности, сформированной не историей и образом будущего (культ наций и повседневный плебисцит), а восхищением культурой и природой Франции [Nora, 142]. Этот тезис позволяет обосновать возможность применения оптики французского историка для исследования локального прошлого, противостоящего националистической и общегосударственной риторике. Для этого мы более подробно рассмотрим выдвигаемую им концепцию «мест памяти».

Помимо отмеченных самим автором признаков (материальности, функциональности, символичности, о чем мы писали выше) можно выделить еще ряд аспектов, которые важны для понимания *lieu de mémoire*. Именно эти аспекты, на наш взгляд, позволяют обосновать использование мест памяти для осмысления исторических фактов и показывают потенциал применения идей, высказанных французским историком, для понимания локального прошлого.

Во-первых, Нора подчеркивает, что места памяти всегда связаны с дискуссионностью, которая, однако, не противоречит отмеченному выше консенсусному характеру *lieu de mémoire*. Поводом для дискуссии оказывается определенное напряжение между коммеморацией и забвением чего-либо, связанного с местом памяти. Это качество позволяет Нора переосмыслить связь прошлого и национальной идентичности, лежащей в основе критикуемых им историографических проектов. Применительно к задачам,

поставленным в этой статье, нам важно подчеркнуть, что такая трактовка мест памяти позволяет противопоставить их условному государственному историческому нарративу и традициям историописания. Понятый в качестве мест памяти исторический факт, в силу множественности интерпретаций, ускользает от однозначных трактовок, положения в каком-либо последовательном историческом нарративе. Нора противопоставляет созданную Лависсом Францию «Франциям» (так назывался один из блоков проекта «Места памяти»); мы можем вслед за ним говорить о множественности мест памяти, позволяющих осмыслить то прошлое, которое находилось на обочине внимания официальной историографии. Исторический факт в этой ситуации оказывается не частью механизма сконструированной государственной истории, а выступает в качестве актора локальной истории, истории групп, сообществ и т. д. Такая интерпретация показывает связь проекта Нора с работами Фуко и Бенъямина, однако Нора говорит не о конфликте и истории как дискурсе победителей, а о возможности и необходимости диалога.

Региональные исторические нарративы, на наш взгляд, являются прежде всего источником разных интерпретаций и того видения исторических событий, которое было нивелировано государственным историческим нарративом. В отличие от позитивистского представления об историческом факте места памяти позволяют больше внимания уделять внутренним законам, по которым развиваются наши представления о прошлом, и акцентировать агентность исторических фактов.

Во-вторых, Нора определяет *lieu de mémoire* как «останки», имея в виду, что места памяти представляют собой реликты тех настоящих связей с прошлым, которые были потеряны при распространении современных исторических представлений. Исторические факты, таким образом, могут мыслиться как определенного рода «останки» прошлого, которые, несмотря на множественность интерпретаций, сохраняют свое значение. Это позволяет избежать крайне конструктивистской трактовки исторического факта, которая, если ее принять, помешает различению исторической монографии и художественного романа. «Останки», о которых говорит П. Нора,

пересекаются с распространенной в исторической эпистемологии идеей «следов» [Дройзен; Krämer; Буллер], по которым историк конструирует прошлое. Но если онтологический статус «следа» вызывает споры исследователей, то «останки», с точки зрения Нора, сохраняют объективность прошлого, хотя разрыв между материальностью и репрезентацией дает больше простора воображению, чем историческому исследованию.

Нора заменяет историческую модель описания мемориальной; оптика мест памяти позволяет, сохраняя относительную объективность в описании исторического процесса, делать акцент на конструировании представлений о прошлом, а не на их отражении. При этом исторический факт как место памяти («останки») имеет способность сопротивляться интерпретациям, то есть, сохраняя представления о возможности доступа к прошлому, Нора критикует претензии позитивистской историографии на познание прошлого как реальности.

В-третьих, описывая коммеморативные практики, которые связаны с местами памяти, Нора обращает внимание на то, как они определяют идентификацию группы. Вместо ритуальных практик традиционного общества место памяти «скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого» [Нора, 26], то есть место памяти само по себе оказывается источником смыслов, формирующих идентичность сообщества через представления сообщества о своем прошлом. Таким образом, Нора не настаивает на том, что у нас есть доступ к объективному прошлому (он высоко ценил школу Анналов), но мы имеем возможность учитывать условия конструирования. Благодаря таким «останкам» не допускается ассимиляция прошлого историей, а исторический факт может быть осмыслен в том числе через социальные рамки, о которых говорил М. Хальбвакс, и контрпамять Фуко.

В-четвертых, изменения, характерные для мест памяти, позволяют рассматривать исторический факт в динамике, которая ранее

считалась атрибутом только исторического нарратива. Источниками этих изменений могут быть указанная выше дискуссионность или возможные различные интерпретации. Но важно подчеркнуть, что эти изменения не всегда приводят к появлению новых мест памяти или нового исторического факта.

Так, понятие «место памяти» позволяет признавать его агентность и, следовательно, говорить об агентности исторического факта. Это позволяет трактовать места памяти как институты, в которых накапливается и кристаллизуется современная память.

Таким образом, система Нора отменяет линейную каузальность, которую постулировало прежнее историческое знание, предлагая взамен эстетический взгляд на останки прошлого. Мы, вслед за Артогом, предлагаем увидеть в местах памяти Нора эвристический инструмент, представляющий собой определенную оптику для исследования и переосмысления прошлого. Конечно, мы не говорим о полном отождествлении мест памяти и исторического факта, однако подчеркиваем, что отдельные исторические факты могут мыслиться как места памяти.

Список источников

- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html> (дата обращения: 23.09.2022).
- Буллер А. Три лекции о понятии «след». СПб. : Алетейя, 2016.
- Дройзен И. Г. Историка: Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб. : Владимир Даль, 2004.
- Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. М. : Высш. шк., 1981.
- Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб. : Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007.
- Deutsche Erinnerungsorte: eine Auswahl / Hrsg. E. François, H. Schulze. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2005.
- Erinnerungsorte der DDR / Hrsg. M. Sabrow. München : Beck, 2009.
- Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa. Erfahrungen der Vergangenheit und Perspektiven / Hrsg. M. Weber. München : Oldenbourg Verlag, 2011.
- Europäische Erinnerungsorte / Hrsg. P. Boer. München : Oldenbourg Verlag, 2012. 3 Bd.
- Finkielkraut A. Qu'est-ce qu'être français aujourd'hui? Entretien avec Pierre Nora et Paul Thibaud // Finkielkraut A. Qu'est-ce que la France? Paris : Stock, 2007. P. 256.
- Hartog F. Croire en l'Histoire. Paris : Flammarion, 2013.
- Isnenghi M. I luoghi della memoria. Roma-Bari : Laterza, 1997.
- Klein K. L. On the emergence of memory in historical discourse // Representations. 2000. № 69. P. 127–150.
- Krämer S. Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle? Eine Bestandsaufnahme // Eine Bestandsaufnahme. Frankfurt am Main, 2007. S. 14–19.
- Lieux de memoire et identites nationales / dir. P. den Boer, W. Frijhoff. Amsterdam : Amsterdam University Press, 1993.
- Nora P. Ernest Lavis: Son rôle dans la formation du sentiment national // Revue historique. 1962. № 463. P. 73–106.
- Rose D. S. Lieux de Mémoire, Central Places, and the Sanctuary of Ribemont-sur-Ancre: A Preliminary Look / eds. M. J. Mandich, T. J. Derrick, S. Gonzalez Sanchez, G. Savani, E. Zampieri // Proceedings of the Twenty-Fifth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, Leicester 2015. Oxford : Oxbow Books, 2016. P. 57–75.
- Tamács B. Ghosts as Sites of Memory / P. Varga, K. Katschtaler, D. E. Morse, M. Takács (szerk.) // Loci Memoriae Hungaricae I: The Theoretical Foundations of Hungarian 'lieux de mémoire'. Debrecen : Debreceni Egyetemi Kiadó, 2013. P. 152–168.
- Transnationale Gedächtnisorte in Zentraleuropa / Hrsg. J. Le Rider, M. Csáky, M. Sommer. Wien; München; Bozen : Studien Verlag, 2002.
- Waar de Blanke Top der Duinen. En Anderevaderlandse Herinnerigen / ed. van N. C. F. Sas Amsterdam : Pandora pockets, 1995.

References

- Artog, F. (2008). Porjadok vremeni, rezhimy istorichnosti [Order of Time, Modes of Historicity]. *Neprikosnovennyj zapas*, 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html> (data obrashhenija: 23.09.2022).
- Buller, A. (2016). *Tri lekciï o ponjatii "sled"* [Three Lectures on the Concept of "Trace"]. Saint-Petersburg: Aletejja Publ.
- Drojzen, I. G. (2004). *Istorika. Lekcii ob jenciklopedii i metodologii istorii* [The Historian. Lectures on Encyclopedia and Methodology of History]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.
- Deutsche Erinnerungsorte: eine Auswahl* (2005). Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
- Erinnerungsorte der DDR*. (2009). München: Beck.
- Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa. Erfahrungen der Vergangenheit und Perspektiven* (2011). München: Oldenbourg Verlag.
- Europäische Erinnerungsorte* (2007). München: Oldenbourg Verlag. 3 Bd.

- Finkielkraut, A. (2007). Qu'est-ce qu'être français aujourd'hui? Entretien avec Pierre Nora et Paul Thibaud, in Alain Finkielkraut. *Qu'est-ce que la France?* Paris: Stock, p. 256.
- Hal'bvaks, M. (2007). *Social'nye ramki pamjati* [The social framework of memory]. Moskva: Novoe izdatel'stvo.
- Hartog, F. (2013). *Croire en l'Histoire*. Paris: Flammarion.
- Ivanov, G. M., Korshunov, A. M., Petrov, Ju. V. (1981). *Metodologicheskie problemy istoricheskogo poznanija* [Methodological Problems of Historical Cognition]. Moskva: Vysshaja shkola.
- Isnenghi, M. (1997). *I luoghi della memoria*. Roma-Bari: Laterza.
- Klein, K. L. (2000). On the emergence of memory in historical discourse. *Representations*, 69, 127–150.
- Krämer, S. (2007). Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle? Eine Bestandsaufnahme. *Eine Bestandsaufnahme*. Frankfurt am Main, 14–19.
- Lieux de memoire et identites nationales*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1993. 284 p.
- Nora, P. (1962). Ernest Lavisse: Son rôle dans la formation du sentiment national. *Revue historique*, 463, 73–106.
- Rose, D. S. (2016). Lieux de Mémoire, Central Places, and the Sanctuary of Ribemont-sur-Ancre: A Preliminary Look / M. J. Mandich, T. J. Derrick, S. Gonzalez Sanchez, G. Savani, E. Zampieri (eds). *Proceedings of the Twenty-Fifth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, Leicester 2015*. Oxford: Oxbow Books, 57–75.
- Tamás, B. (2013). Ghosts as Sites of Memory // *Loci Memoriae Hungaricae I: The Theoretical Foundations of Hungarian 'lieux de mémoire'* / P. Varga, K. Katschtaler, D. E. Morse, M. Takács (szerk.). Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 152–68.
- Transnationale Gedachtnisorte in Zentraleuropa* (2002). Wien; München; Bozen: Studien Verlag.
- Waar de Blanke Top der Duinen. En Anderevaderlandse Herinnerigen*. (1995). Amsterdam: Pandora pockets.
- Yates, F. (1997). *Iskusstvo pamjati* [The Art of Memory]. Saint-Petersburg: Fond podderzhki nauki i obrazovanija "Universitetskaja kniga".

Сведения об авторе

Головашина Оксана Владимировна, доктор фило-софских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Information about the author

Oksana V. Golovashina, Doct. Sci. (Philosophy), Leading Research Fellow of the Ural Institute of Humanities at Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 30.11.2022

The article was submitted 15.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 30.11.2022